

Завгородний Алексей Михайлович

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ "МЕРТВЫЕ ДУШИ" В ЭПОХУ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА: КОНЕЦ XIX В.

В статье рассматривается специфика французского восприятия поэмы Н. В. Гоголя "Мертвые души" на начальном этапе сближения Франции и России в конце XIX века. Выявляются основные факторы, оказывавшие как ускоряющее, так и сдерживающее воздействие на рецепцию поэмы; особое внимание уделено "Русскому роману" Э. М. де Воюэ. Представлены результаты обзора французских изданий того времени, посвященных русской литературе вообще и "Мертвым душам" в частности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 21-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MODEL OF THE RELATIONSHIP OF MEN AND WOMEN IN "MORPHO EUGENIA» BY A. S. BYATT

Egiazaryan Gayane Viulovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences
gyeghiazaryan@hotmail.com; head_englishcom@brusov.am

The article reveals the system of the relationships of men and women in A. S. Byatt's work "Morpho Eugenia", in which there are three models that can be divided both locally and in accordance with the psychological age of the character. The first one can be described as a youthful freedom and irresponsibility. It is presented retrospectively and localized in the Amazon forests, the second one is a "Victorian marriage" based on particular benefits and localized in England, and finally, responsible partnership, involving the free movement all over the world.

Key words and phrases: man; woman; love; responsibility; freedom; moral-ethical.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается специфика французского восприятия поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на начальном этапе сближения Франции и России в конце XIX века. Выявляются основные факторы, оказывавшие как ускоряющее, так и сдерживающее воздействие на рецепцию поэмы; особое внимание уделено «Русскому роману» Э. М. де Вогиюэ. Представлены результаты обзора французских изданий того времени, посвященных русской литературе вообще и «Мертвым душам» в частности.

Ключевые слова и фразы: Гоголь; «Мертвые души»; франко-русский союз; Вогиюэ; литературная критика; рецепция.

Завгородний Алексей Михайлович

Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва
almzav@yandex.ru

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»
В ЭПОХУ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА: КОНЕЦ XIX В.**

Если на первом этапе французской рецепции «Мертвых душ» преобладал утилитарный взгляд на поэму – тема рабства и отмены крепостного права в России вызывала тогда во Франции особый интерес [11, с. 33] – то к моменту заключения франко-русского союза (1891-1893 гг.) ситуация качественно изменилась и в первую очередь благодаря Эжену Мельхиору де Вогиюэ.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению его вклада в ознакомление французов с русской литературой и «Мертвыми душами» в частности, необходимо отметить, что сближение Франции и России началось несколько раньше – после поражения Франции во франко-прусской войне (1870-1871 гг.). Поэтому хотелось бы обратить внимание на несколько работ, ставших доступными французскому читателю еще до выхода в свет знаменитого «Русского романа» Вогиюэ (1886) [29].

В 1872 г. появляется французский перевод А. Ромальда «Курса истории русской литературы (862-1862)» К. Петрова [26], выдержавшего несколько переизданий в России. Из краткой библиографической заметки Г. Демарна [22, р. 48] мы узнаем, что это был первый обзорный труд по русской литературе на французском языке. О том, что это «первая и единственная на тот момент» [26, р. V] работа подобного рода, говорил и сам переводчик. В местах, посвященных «Мертвым душам», К. Петров сосредотачивается главным образом на демонстрации типов, созданных Гоголем.

Перевод А. Ромальда нельзя назвать идеальным, но то, что он подошел к своему делу неравнодушно – это несомненно. В местах, где его соотечественникам российские реалии могли оказаться неизвестными, он дополнял текст разъяснениями, например, как в случае с «мертвыми душами» [Ibidem, p. 142]. Там же, где он сам не был уверен в адекватности передаваемого смысла, он делал пропуски, например, как в случае с оборотом «каких на Руси называют кулаками» [14, с. 123]. Но за некоторыми опущениями, как нам видится, стояла другая причина. Возможно, это было желание обойти «острые углы», которые могли бы раздражить французского читателя, заставить потерять ту заинтересованность, которая приобреталась – как, очевидно, рассчитывал А. Ромальд – во время чтения. Так, он оставляет непереверенным заключение К. Петрова, в котором автор классифицирует гоголевские типы: «Главные типы, выведенные Гоголем, можно разделить на два разряда: в одних выражается страшная распушенность характера, у других характер тупой, сосредоточенный; но и у них, при мелком расчете, главными чертами служат: или тупость, или дикая грубость, или совершенная скаредность» [Там же]. Вопрос художественной самостоятельности, способности русских создавать оригинальные типы всегда был болезненным для французов. Вспомним хотя бы Барбе д'Оревильи: Чичиков не обладал «даром индивидуализации <...> Совершенно очевидно, что автор и не помышлял о том, чтобы создать характер» [3, с. 260]. И хотя в данном пассаже А. Петрова нет явной претензии на самобытность, но имплицитно чувствуется литературоведческая статья, твердость, уверенность, которые могли бы вызвать у французского читателя негативную реакцию: «да как они смеют, азиаты». Или другой

пример. Там, где А. Петров говорит, что Гоголь «обещал вывести и лучшего человека и вывел во втором томе Муразова и Костанжогло, но очень неудачно...» [14, с. 125], в переводе у А. Ромальда «но очень неудачно...» выпадает. Не из-за того ли, чтобы раньше времени не отбить желание у французской публики взять эту книгу в руки? И еще рискнем предположить, что урезание отрывка «по мнению самого Гоголя, характер Плюшкина составляет исключение на Руси, где все любит развернуться, оттого черты этого типа обрисованы слишком резко и не совсем натурально, особенно разговор с Чичиковым, между тем наружность скупого старика и обширное его хозяйство изображены чертами живыми» до «среди других типов необходимо еще упомянуть скрягу Плюшкина...» связано со стремлением не допустить у своих соотечественников подспудного невыигрышного сопоставления тех, кто «любит развернуться», с теми, о которых М. Л. Михайлов писал: «С Плюшкиным много сходства у большей части французов, копеечников по преимуществу» [12, с. 227]. Тем самым и здесь, как нам кажется, мы становимся свидетелями бережного отношения А. Ромальда – безусловно симпатизировавшего России – к будущему читательскому восприятию «Мертвых душ» во Франции, что на начальном этапе сближения двух стран играло, безусловно, положительную роль.

В 1875 г. выходит «История современной русской литературы» С. Куррьера [21], получившая неоднозначные отклики в России. Тем не менее, эти отзывы помогают осмыслить значение данной книги – а вместе с ней и гоголевской поэмы – для французского читателя. Так, А. С. Суворин в письме к И. С. Тургеневу в целом одобрительно отнесся к этому сочинению, заявляя, что «у нас на русском языке ничего подобного нет <...> книжка эта – явление приятное, потому что она устанавливает более или менее верные представления о русской литературе в европейской печати» [17, с. 336-337]. И. С. Тургенев же в ответном письме к А. С. Суворину был довольно резок: «он <Куррьер – А. 3.> кое-чего нахватался в бытность свою на Руси – но все это очень спешно, поверхностно и написано плохим – не литературным – языком» [18, с. 61]. Вместе с тем, как нам кажется, на заключение И. С. Тургенева повлияла личная неприязнь к С. Куррьеру, которая просто сквозит в его письме. Он называет его «хлыщом», «смахивающим на ветеринарного врача», одаривает другими нелестными эпитетами и даже как-то умудряется усмотреть в отзыве А. С. Суворина (повторимся, в целом положительном) созвучие своей оценке. Тем не менее, позднее В. Горленко также назвал книгу поверхностной и отметил, что основана она на русских источниках и поэтому не может содержать «самостоятельных взглядов иностранцев» [8, с. 14].

Действительно, многое сказанное С. Куррьером в отношении «Мертвых душ» было уже не ново для русского читателя, но французам, ранее обращавшимся к поэме, как отмечалось выше, главным образом из политических, конъюнктурных соображений, это сказанное могло послужить источником для размышлений. Впервые французскому читателю представляют лирическую сторону поэмы – автор включает собственные переводы двух эпизодов: о дороге в Русь и о птице-тройке (11-я глава, 1-й том); рассуждает о любви Гоголя к своей Родине и природе. Также впервые в литературоведческом изложении перед французской публикой предстают гоголевские типы из второго тома; даются их наиболее подробные на тот момент описания.

Полагаем, что если даже принять версию В. Горленко о несамостоятельности С. Куррьера, подкрепленную негативным отзывом И. С. Тургенева в части нелитературности языка (о поверхностности сказано выше), то все равно эта книга, включая часть о «Мертвых душах», должна была сыграть для французов как минимум просветительскую роль, которую подразумевал А. С. Суворин.

В 1885 г. выходит сочинение Э. Дюпюи «Великие мастера русской литературы» [23], «вскоре увенчанное академической премией и выдержавшее несколько изданий» [8, с. 12]. По словам самого Э. Дюпюи, в работе над книгой о Н. В. Гоголе, И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом ему помогали «два молодых русских ученых», некие Михаил Крушкол и Владимир Дерюжинский. И этот факт только еще больше усиливал иронию В. Горленко относительно забавных ошибок, встречающихся в сочинении, удостоенном поощрения французской Академии наук. В. Горленко отмечал чрезвычайную благожелательность Э. Дюпюи к нашей литературе, но справедливости ради констатировал, что «доброе расположение и добрые намерения не опираются в нем ни на твердое знание, ни на критическое проникновение» [Там же].

Вместе с тем, обращает на себя внимание один вывод Э. Дюпюи, к которому никто до него из французов еще не приходил и который хорошо коррелирует с нашим заключением о крепостном праве, как о первопричине начала проникновения «Мертвых душ» во французское культурное пространство [11, с. 33]. Э. Дюпюи заявляет, что «главная идея произведения утратила свою привлекательность после отмены крепостного права; лишь для русских читателей она всегда оставалась значимой» [23, р. 88]. Далее он также отмечает: «Но для Гоголя эта главная идея была лишь остроумным предлогом для исследования провинциальной жизни России. Эти исследования самобытны, разнообразны, а порой несут в себе такую силу, что должно усомниться, что наш анализ может обойтись без значительных смысловых потерь» [Ibidem]. Очевидно, эпоха упрощенного восприятия «Мертвых душ» остается позади.

В этом же году в *La Nouvelle Revue* выходят «Очерки и воспоминания» Ольги Николаевны Смирновой [28], которая также не преминула покритиковать книгу Э. Дюпюи, отмечая (но не уточняя) между тем «часто разумные и очень тонкие оценки <...> в отношении “Мертвых душ” и “Тараса Бульбы” Гоголя...» [Ibidem, р. 469]. При этом критика досталась лишь его «двум русским коллегам», упомянутым выше в качестве помощников: «Эти оценки – личная заслуга автора, в ошибках он не виноват» [Ibidem]. В сочинении О. Н. Смирновой можно найти не один пример такой витиевато-заманчивой манеры изложения, и все бы ничего, читатель увлечен, если бы не один факт – будущие обвинения в фальсификации. В 1893 г. в *Северном вестнике* вышли составленные ею записки ее матери [16], А. О. Смирновой, близкой знакомой Н. В. Гоголя, достоверность которых многими и ставится под сомнение. Осознавая это, уже под другим углом зрения мы воспринимаем, например, такое: «В конце 1851 г. Гоголь возвращается в Москву с друзьями; третий том “Мертвых

душ» почти закончен, осталось сделать последние штрихи; в этом томе драма уступает место <...> трагедии» [28, р. 19]. Прослеживается склонность к приукрашиванию, к сенсациям. Реагируя на желание Э. Дюнои приоткрыть свое «окно в зарубежье», О. Н. Смирнова говорит, что «это желание похвально, но окна надо распахивать настежь и на то, где есть что-либо достойное взора» [Ibidem, р. 469]. Возможно, чрезмерное желание показать это «что-либо» и сказывалось на ее литературном почерке. Тем не менее, ее сочинение в тот момент неизбежно стало для французов еще одним источником знаний об истории создания «Мертвых душ», о поиске Гоголем имен для своих героев (в частности, Чичикова, Бетрищева и Тентетникова), о развенчании мифа о якобы мистическом помешательстве автора поэмы.

Совершенно понятно, что необходимым, хотя и недостаточным, условием для осмысления «Мертвых душ» являлось понимание российской специфики. Поэтому здесь нельзя не упомянуть тех, кто на волне сближения двух наций способствовал узнаванию особенностей жизни в России и «благодаря которым русский язык и русская литература окончательно приобрели право гражданства не только во Франции, но и во всем мире» [7, с. 33]. «Из них Луи Леже¹ избрал лингвистику и происхождение литературы, Леруа-Болье² – учреждения и нравы, Рамбо³ – историю, г. де Вогюэ – изящную литературу» [Там же, с. 34].

Эжен Мельхиор де Вогюэ, критик и публицист, «явился, по его собственным словам, последним, по времени, среди пропагандистов литературного руссофильского (sic! – А. З.) движения» [Там же, с. 36]. В первой половине 1880-х гг. в *Revue des Deux Mondes* выходят его статьи о И. С. Тургеневе (15 октября 1883), Л. Н. Толстом (15 июля 1884), Ф. М. Достоевском (15 января 1885) и Н. В. Гоголе (15 ноября 1885), составивших впоследствии книгу «Русский роман» (1886) [29], после которой «многие французские критики высказывали свои взгляды на русских романистов, приветствуя их влияние или возмущаясь против него, но основой их суждений оставалась всегда установленная Вогюэ характеристика, которая не подвергалась уже проверке» [5, с. 729].

Такой авторитет Вогюэ приобрел благодаря знанию России (он провел здесь около 7 лет), владению русским языком (так что «мог изучить русских писателей без посредства предательских переводов» [Там же, с. 722]; был женат на русской), но в первую очередь вследствие своего пронзительного ума – «он понимал в совершенстве если не русскую литературу, то во всяком случае французскую действительность. Благодаря этому он сумел так осветить русский роман, что французы увидели в нем не один безотносительный смысл, а также и то, что может оказаться плодотворным для французской литературы» [Там же, с. 720]. Автор показывает французскому читателю не только чрезвычайное богатство и своеобразие русской литературы, но и то, «что это – литература с огромным жизненным тоном, литература больших задач, глубоких моральных и общественных проблем и подлинного гуманизма» [19, с. 173]. По мнению Вогюэ, резюмирует В. Ф. Шишмарев, «в России литература поднимается от зрелища жизни к исканию ее внутреннего смысла и проповедует Евангелие и сострадание. В этом сила русской литературы и русского романа по сравнению с французским, превратившимся в фотографию или в циническую карикатуру без всякого философского освещения жизни» [Там же, с. 174]. «И вот эту-то бактерию де Вогюэ хотел привить французской литературе» [Там же].

Произведения Гоголя представляются Вогюэ «источником новейшего русского реализма» [15, с. 322]. «Мертвые души» же он определяет как «резервуар современной литературы, “чрево”, где уже зародились все будущие литературные изобретения» [29, р. 113-114], добавляя, что «Гоголь выработал для своих преемников все, и форму, и содержание» [Ibidem, р. 114]. Форма у Гоголя, отмечает Вогюэ, – это реализм, инстинктивный в предыдущих произведениях, сознательный и последовательный – в «Мертвых душах». «Вместе с формой Гоголь оставляет своим преемникам и единый запас содержания, из которого они будут черпать. “Эмбрион” же, из которого развивается большинство характерных типов, дающих жизнь русскому роману, находится в “Мертвых душах”» [Ibidem, р. 116]. Этот запас содержания включает в себя не только типы, но и идеи. Гоголевскую поэму Вогюэ называет «руководящей» книгой, из которой исходят «великие потоки, оплодотворяющие потом русский дух» [Ibidem, р. 116-117], выделяя из них «тот, который дает славянской литературе ее особенную физиономию и ее высокую нравственную ценность» [Ibidem, р. 117]. «Во многих местах “Мертвых душ”, трепещущих под насмешливым сарказмом сатирика, – отмечает автор, – мы встречаем то чувство евангельского братства, любви к малым сим и жалости к страждущим, которое одушевит все произведения Достоевского. У Гоголя это не есть уже не вполне осознанный инстинкт, как у некоторых из предшествовавших ему поэтов; писатель подметил национальную добродетель, он анализирует ее и восхваляет с полным знанием дела» [Ibidem]. Для обоснования своих суждений Вогюэ проводит параллели, демонстрирующие соответствие «основных типов и идей у Гоголя и потом у Тургенева, у Толстого и Достоевского» [15, с. 322].

Помимо евангельского братства Вогюэ видит в реализме Гоголя и другую черту. Так, по идее Гоголя, замечает французский критик, «Чичиков должен быть по возможности максимально обезличен, так как в нем нам хотят показать не какого-то конкретного человека, но дать изображение коллективное: это – русский, не ответственный за свое падение» [29, р. 112]. «Как и главный герой, большая часть странноватых персонажей, его окружающих, в основе своей недурные люди; это – продукты необходимые и извинительные, продукты истории, общественных нравов, правления, всех фатальных случайностей, которые обезображивают русского человека, ибо русский человек есть существо прекрасное, испорченное лишь общественным состоянием, в котором он живет» [Ibidem]. Вот та теория, которая, по мнению Вогюэ, подразумевается в «Мертвых душах». Разделяя суждение А. Пыпина, что автор изрядно «преувеличил, приписав Гоголю

¹ Луи Леже (Louis Léger) – среди его трудов: «Histoire de la littérature russe» (1893), «Nicolas Gogol» (1913).

² Анатолий Леруа-Болье (Anatole Leroy-Beaulieu) – один из основных трудов: «L'empire des tsars et les Russes» (1881-1889).

³ Альфред Рамбо (Alfred Rambaud) – в первую очередь необходимо отметить его «La Russie épique» (1875).

эту теорию превосходства русского человека» [15, с. 323], мы, тем не менее, видим возможное основание для такого взгляда – взгляда француза – на поэму. Думается, что если жить в атмосфере «реализма, лишенного веры, чувств, милосердия» [29, р. XXXIV], а затем встретить то, в чем у тебя глубокая внутренняя потребность, то подобная идеализация очень вероятна. А о том, что у Вогюэ такая потребность была, косвенно свидетельствует его увлечение восточными философиями в период дипломатической работы в странах Востока, где он «изучает ортодоксальные тексты – Веды, Упанишады» [10, с. 45].

В этой связи необходимо отметить, что у Вогюэ «своеобразное сочетание понятий индийской философии и религии с одной стороны, и идей христианства с другой, легло в основу концепции загадочной русской души» [Там же, с. 46], концепции, применимой в первую очередь к «книге, в которой вся Русь проявляется также рельефно, как люди на гравюрах Кало» [29, р. 110-111]. О христианских составляющих «русской души» было сказано выше, о восточном компоненте мы лишь упомянем – Вогюэ находит возможным ассоциировать понятие «нирвана» с русским нигилизмом.

В своей оценке русской литературы и «Мертвых душ» в частности «религиозно-мистические идеи он <Вогюэ – А. З.> пытался соединить с традициями культурно-исторической школы Тэна, и именно эта ориентация придала его исследованию о русской литературе фундаментальный характер, которого были лишены предшествующие работы о русских писателях» [10, с. 47].

Отзывы на «Русский роман» в современной ему и последующей критике порой содержали убедительные возражения. Интересные наблюдения можно найти у А. Пыпина [15], З. Венгеровой [5], П. Беркова [4, с. 745-746], В. Ф. Шишмарева [19], А. Л. Григорьева [9, с. 42-46], М. П. Алексеева [2, с. 67-68]. Мы тоже хотели бы обратить внимание на одну деталь, кажется, до сих пор остававшуюся необъясненной. Как уже было сказано, одна из сильных сторон Вогюэ состояла в возможности судить о русской литературе, не прибегая к далеким от совершенства французским переводам. Подтверждением того, что именно так и было, могут служить, например, переведенные отрывки из «Мертвых душ» (переводы в книге Вогюэ отличаются от существовавших на тот момент переводов и Моро, и Шаррьера) и его комментарии в сносках, из которых следует, что он знаком со структурой русскоязычной оригинальной версии поэмы. В то же время, говоря о протесте Гоголя против названия своего сочинения романом и именовании его поэмой, Вогюэ заявляет: «Он разделил ее на песни, а не на главы» [29, р. 107]. Подобное утверждение должно вызвать у русского читателя такую же реакцию, как и у А. Пыпина: «хотя <Гоголь – А. З.> назвал свой роман поэмой, но не называл глав его – песнями» [15, с. 324]. Нам представляется, что такое заявление французского критика определенно свидетельствует об его использовании в своей работе перевода Шаррьера – пожалуй, худшего из всех переводов «Мертвых душ» – который и разделил главы на песни. В какой степени очень вольная интерпретация Шаррьера повлияла на умозаключения Вогюэ – тема отдельного исследования.

Но, несмотря на возможные недостатки, неточности, высказываемые критиками, все они неизменно указывали на огромный вклад Вогюэ в открытие для французов своеобразия русской литературы, «резервуаром» которой были «Мертвые души», в осознание ориентиров самой французской литературы, в раскрытие общественного и нравственного значения творчества Гоголя.

Необходимо отметить, что за год до появления «Русского романа», в 1885 году, выходит в свет новое издание «Мертвых душ» в переводе Шаррьера; еще одно его переиздание в XIX веке состоится в 1897 году. Частотность выхода поэмы на французском языке в этот период легко объясняется сближением Франции и России и возросшим интересом к русской литературе. А вот выбор для переиздания перевода именно Шаррьера (еще одно переиздание его перевод увидит свет в 1912 г.), а не Моро может на первый взгляд показаться странным – перевод Моро содержал, несомненно, меньше искажений. Так М. П. Алексеев хотя и отзывался нелестно о работе Моро, но говорил, что «перевод Шаррьера был еще во много раз хуже, а комментарии переводчика были и совсем юмористическими: Коробочку он сопоставлял с “феей Карабас”, а фамилию Чичикова, хвастаясь своим знанием русского языка, производил от глагола “чихать” или “чихнуть”» [1, с. 149]. Причина такого выбора, думается, состояла в том, что вольный перевод Шаррьера лучше соответствовал «пресыщенному французскому вкусу, требующему помимо искреннего искания правды, также новизны ощущений» [5, с. 722]. Полагаем, к месту здесь вспомнить также слова М. Л. Михайлова, что французский читатель требует от произведения понятной ему развязки [12, с. 226], которую Шаррьер смастерил, приделав к концу второго тома сто пятьдесят страниц продолжения от Ващенко-Захарченко [11, с. 30]. Новых же переводов «Мертвых душ» в этот период не выходило. Частично это, наверно, можно объяснить тем, что к середине 1880-х, когда интерес к России продолжал набирать обороты, все усилия переводчиков были направлены на еще неперевоенные жемчужины русской литературы. А таковых было немало. Только с 1884 по 1902 г. выходят первые переводы всех восьми романов и многих повестей и рассказов Ф. М. Достоевского; появляются первые переводы «Анны Карениной» (1886), трилогии «Детство» (1886), «Отрочество» (1886), «Юность» (1887), «Воскресения» (1900) и других значимых произведений Л. Н. Толстого. Нельзя не отметить, что, конечно же, ускорение этому процессу придал «Русский роман» Вогюэ.

В общем обзоре «История русской литературы от ее истоков до наших дней» Леона Сихлера (1886) [27], написанном «с меньшей осведомленностью» [4, с. 747], чем аналогичный обзор Куррьера, «Мертвые души» характеризуются только одним словом – шедевр (Вогюэ в этой книге увидел скорее «отличный исторический словарь» [30, р. 836], чем историю литературы). И мы бы, возможно, прошли мимо этого источника, но он служит еще одним ценным подтверждением весомости и влиятельности «Русского романа», одно из центральных мест которого занимает гоголевская поэма: «Главы о Пушкине, Лермонтове и Гоголе, для которых автор воспользовался характеристиками г. Вогюэ, составляют едва ли не лучшую часть этой второй половины книги <книги Сихлера – А. З.>» [13, с. 179-184].

Популяризации «Мертвых душ» в этот период способствовали и работы, которые ограничивались публикацией переведенных отрывков из «Мертвых душ», например, труд Е. Генин «Россия: история, география, литература» (1891) [24, р. 278-286] или книга Л. Леже «Антология русской литературы» (1892) [25, р. 409-419].

В 1896 г. выходит краткая история русской литературы Э. Комба [20], которую он решил написать «на свой манер» [Ibidem, р. 7]. Он считал, что пока невозможно применить литературоведческие методы анализа к тому, что известно про русскую литературу, поэтому полагал, что «уместнее скорее будет <просто – А. З.> рассказывать, представлять, переводить» [Ibidem].

«Мертвые души» вызывают у автора ассоциацию с книгой «Средние века» Мишле и в целом производят на него тягостное впечатление: «Сколько страданий на самом деле перенес Гоголь при создании “Мертвых душ”. Это описание прежней России!.. Крепостное право, злоупотребления, моральное оцепенение, невежество, беспросветная нищета; хозяева и слуги, оступившие от мимолетной утехи или скотского смирения. Повсюду ощущение бессилия, упадка; мужик не следит за своей одеждой; помещик два года держит подле себя книгу, открытую на той же странице. Чувствуется, что туман стучается, все заболачивается, что человек прекратил надеяться, так что уход из жизни почти совсем не почувствуется» [Ibidem, р. 315]. Стиль Гоголя он часто находит тяжеловесным. Проявление этого, как нам показалось, Комб видит в том, что «при написании сочинения была использована масса разнообразных, с трудом добытых документов» [Ibidem, р. 316], а также в склонности Гоголя к обнаружению и описанию мельчайших подробностей. Мольбу писателя к друзьям помочь в сборе материала для создания характерных типов в поэме он рассматривает не иначе как проявлением наивности; ведь «даром наблюдательности наделен не каждый» [Ibidem]. Свои мысли Комб старается подкрепить примерами, переводя небольшие отрывки из гоголевского сочинения. Он очень кратко описывает канву поэмы и в завершении выдает ряд, как нам кажется, разнонаправленных «трудноусваиваемых» утверждений: «Он <Гоголь – А. З.> испытывает трудности – если опираться на художественный опыт Мольера – в проникновении должным образом в суть того, что есть смешного в человеке. Образы у него похожи один на другой; Манилов, Ноздрев, Собакевич и т.д. легко вызываются в памяти; и к Гоголю, так же, как и к Мольеру, применимо тургеневское слово: “Мир видит его смех, но не видит его слезы”» [Ibidem, р. 317].

После этого невольно вспоминается суждение: «Прав был один итальянский писатель, утверждавший, что Гоголя должны объяснить европейцам сами русские» [1, с. 153].

Неформальным отношением к осмыслению русской литературы запомнился известный критик Теодор де Визева. В своей первой статье, посвященной русской теме, «Русские» (1887) [33], соглашаясь с Вогюэ, что всплеск интереса к русской литературе был обусловлен сочетанием политических причин и усталостью от натуралистического романа (при этом отмечая особую заслугу в этом всплеске самого Вогюэ) он, тем не менее, выражал и определенное несогласие с коллегой. Касалось оно наполнения понятия «русская душа»¹. По его мнению, «успех русских писателей во Франции во многом объясняется той трогательностью, с которой они относятся к превратностям судеб своих героев. Но при этом русские писатели – я хочу сказать настоящие писатели – совсем не задействуют эту “трогательность”. Им это не позволяют теоретические принципы их школы и особый характер их нации» [Ibidem, р. 71]. То есть намеренное проявление «трогательности» писателей к своим героям – то, на чем зиждутся «откровения г. де Вогюэ» [Ibidem, р. 70] – не может, считает Визева, быть объяснением ажиотажа вокруг переводов русских писателей. За ним стоят другие причины, а именно: «русский реализм» и «русская душа» (в его понимании), которые сообща естественным образом и порождают ту «трогательность», которую чувствуют французские читатели. Тему «русского реализма» Визева не развивает, а «русскую душу» рассматривает как неразрывное единство двух компонентов: «очень ясного и позитивного взгляда на вещи и <...> незатухающей эмоциональности» [Ibidem, р. 73]. Такой союз, считает он, рождает «фундаментальное свойство русского духа – иронию» [Ibidem, р. 74], и расшифровывает: «Они <русские – А. З.> формируют точный образ того, что их окружает, но, будучи не в состоянии оставаться безразличными к воспринимаемому, они придают своему восприятию насмешливую форму» [Ibidem]. При этом делают они это (в данном случае говорим о русских писателях) невозмутимо, рассудительно, хладнокровно. И в качестве примера произведения, которое «удивляет чрезвычайной невозмутимостью автора» [Ibidem, р. 77], приводит гоголевские «Мертвые души». Поэму он считает единственной книгой Гоголя, заслуживающей прочтения, отмечая что «когда-то имевшая превосходную репутацию и потому, что создавала новую школу и потому, что была отражением эпохи сейчас» [Ibidem, р. 76-77], она перестала пользоваться широким спросом. «Мертвые души» послужили примером у Визева и к еще одному его тезису. Он утверждает, что при всех достоинствах русских писателей «им не достает только одного важного свойства (и оно является еще одним следствием их характера): следования плану, умения разумно строить свое повествование» [Ibidem, р. 76]. «И двух томов Гоголю было недостаточно, чтобы завершить “Мертвые души”: к тому же финал в принципе невозможен для этого сочинения» [Ibidem], – говорит Визева.

Спустя десять лет после выхода «Русского романа» Вогюэ, в 1896 г., Визева еще раз непосредственно коснется творчества Гоголя – в своей статье [34], основанной на трудах А. Пыпина. Выбор для своей статьи именно автора «Мертвых душ» Визева обоснует тем, что «он <Гоголь – А. З.> – слишком глубоко русский человек, поэзия и ирония которого имеют чересчур локальный характер, чтобы он был когда-либо основательно понят за пределами своей страны» [Ibidem, р. 220].

Если верить К. Валишевскому [31, р. 436], в конце XIX в. французской публике стал доступен труд еще одного русского литератора, князя С. Волконского. Курс лекций «Очерки русской истории и русской

¹ В статье Визева использует понятие «славянская душа», введенное еще в середине XIX века руководителем кафедры славянского языка и литературы в Collège de France (первой кафедрой подобного рода во Франции) Адамом Мицкевичем.

литературы» [6], написанный им для прочтения в Лоуэллском институте в Бостоне (Lowell Institute), был переведен не только на английский, но и на французский язык. К сожалению, с французским вариантом ознакомиться не удалось, но поскольку русская и английская [32] версии в интересующих нас местах совпадают, то, полагаем, неважно, с какой версии делался французский перевод.

Как нам представляется, в его сочинении особенно интересными для французского читателя должны были быть два отрывка, имеющие отношение к «Мертвым душам» и обобщающие некоторые разрозненные отклики во Франции. В одном из них С. Волконский указывает на то новое, что Гоголь привнес в литературу: «И до него писатели воспроизводили жизнь и заставляли людей чувствовать все, что может человек почувствовать от соприкосновения с жизнью: радость по жизни, гордость, скорбь по жизни, гордость, отвращение, но первый Гоголь заставил их *устыдиться жизни*» [6, с. 256-257]. Для понимания природы гоголевского смеха, используемого для такого «устыжения», С. Волконский предлагает вчитаться в начало седьмой главы «Мертвых душ», чтобы «заглянуть в душу автора» и увидеть «тоску человека, никогда не знавшего семейных радостей; скорбь сатирика, чувствующего свое одиночество среди парнасских поэтов; страдания писателя, который думает, что он не понят современниками, и не сознает, что он опережает грядущее поколение; невыполнимые мечты о том, чтобы переменить строй своей лиры; внутренний разлад того, кто впоследствии откажется от всего, что он писал во дни своей славы; мучительные колебания этой души, истерзанной постоянной борьбой между писателем и пиетистом; все испытания этой неуравновешенной жизни, которая началась в малороссийской деревенской глуши, расцвела в литературных гостиных Петербурга, продолжалась в грустных скитаниях по Европе и, после печального паломничества в Иерусалим, кончилась в Москве физической болезнью и умственным бесплодием...» [Там же, с. 261-262].

Основываясь на рассмотренных нами свидетельствах восприятия «Мертвых душ» в конце XIX века, мы полагаем, что можно выделить следующие основные факторы, повлиявшие на рецепцию поэмы во Франции в этот период. Во-первых, это политические причины: германофобия, движение Франции и России навстречу друг к другу. Во-вторых, это усталость французов от своей натуралистической литературы, лишенной духовного начала. В третьих, это «случайный фактор» в лице Эжена Мельхиора де Вогиюэ, доказавшего, что «один в поле воин»; информативно-оценочному подходу к анализу произведения, господствовавшему в отношении русской литературы, он пытается противопоставить разбор сочинения на основе традиций культурно-исторической школы И. Тэна. Все эти три обстоятельства, безусловно, позитивно влияют на динамику восприятия «Мертвых душ» и на качественную сторону этого процесса. Но появились и сдерживающие факторы. К ним, в первую очередь, следует отнести явление двух других русских гениев во Франции, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, отсутствие переводов множества их произведений, менее «местный» (и, соответственно, более понятный для французов) по сравнению с Гоголем характер их языка.

Для эпохи, в которую русские перестали называть французов якобинскими царевубийцами, а французы больше не считали русских варварами [20, р. 5-6], характерен отход от упрощенной оценки гоголевской поэмы. Прослеживается осознание многозначности и неохватности для французов ключевого, по мнению Вогиюэ, произведения русской литературы. Отсюда и потребность в русском «наставляющем» слове; дошедшие до французского читателя работы К. Петрова, О. Н. Смирновой, А. Пыпина, С. Волконского служат тому подтверждением.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Мировое значение Гоголя // Гоголь в школе: сборник статей. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1954. С. 126-154.
2. **Алексеев М. П.** Русская классическая литература и ее мировое значение // Мировое значение русской литературы / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Наука, 1987. С. 54-69.
3. **Барбе д'Оревильи Ж.** Николай Гоголь / примеч. М. П. Алексеева // Н. В. Гоголь: материалы и исследования: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 257-281.
4. **Берков П.** Изучение русской литературы во Франции: Библиографические материалы // Литературное наследство / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 721-768.
5. **Венгерова З.** Русский роман во Франции // Вестник Европы. 1899. Т. 1. № 2. С. 719-750.
6. **Волконский С.** Очерки русской истории и русской литературы. СПб.: Типо-литография Р. Р. Голике, 1896. VII+341+IV с.
7. **Гальперин-Каминский И. Д.** Руссоведение во Франции. М.: Русская мысль, 1894. № 9. Отд. II. С. 28-42.
8. **Горленко В.** Отблески. Заметки по словесности и искусству. СПб.: Энергия, 1906. 240 с.
9. **Григорьев А. Л.** Русская литература в зарубежном литературоведении. Л.: Наука, 1977. 303 с.
10. **Дранкова И. Г.** Гоголь и Вогиюэ // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: к 85-летию Г. А. Гуковского: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 44-51.
11. **Завгородний А. М.** Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840-1880-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8. Ч. 1. С. 26-34.
12. **Михайлов М. Л.** Сочинения: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 3. 638 с.
13. **Морозов П.** Иностранцы о русской литературе // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1887. Ч. CCLI. С. 179-184.
14. **Петров К.** Курс истории русской литературы (862-1862). 2-е изд. СПб.: Типография морского министерства, 1866. 186+XIII с.
15. **Пыпин А.** Русский роман за границей // Вестник Европы. 1886. Т. 5. № 9. С. 301-344.
16. **Смирнова О. Н.** Записки А. О. Смирновой: (Из записных книжек 1826-1845 гг.): Из журн. «Северный вестник» за 1893 г. СПб.: тип. М. Меркушева, 1894. 231 с.
17. **Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875-1876)** / публ. С. А. Ипатовой // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. М. – СПб.: Альянс-Архео, 2011. Вып. 2. С. 320-351.

18. Тургенев И. С. Письма (1875) // Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 18-ти т. М.: Наука, 2003. Т. 14. 423 с.
19. Шишмарев В. Ф. Русская литература во Франции // Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева. М. – Л.: Наука, 1965. С. 154-200.
20. Combes E. Profils et types de la littérature russe. Paris: Fischbacher, 1896. 415 p.
21. Courrière C. Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris: Charpentier et Cie, Libraires-Éditeurs, 1875. 442 p.
22. Demarne G. Tableau de la Littérature Russe // La Bibliographie contemporaine: revue bimensuelle de tous les ouvrages nouveaux ou nouvellement réédités. Paris, 1873. 1 Avril.
23. Dupuis E. Les Grands maîtres de la littérature russe au dix-neuvième siècle. Paris: H. Lecène & H. Oudin, Éditeurs, 1885. 363 p.
24. Guénin E. La Russie: Histoire, Géographie, Littérature. Paris: Albert Savine, 1891. 361 p.
25. Léger L. La littérature russe: notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: Armand Colin et Cie, 1892. 556 p.
26. Пётров С. Tableau de la littérature russe: depuis son origine jusqu'à nos jours / trad. du russe par A. Romald. Paris: Librairie polytechnique de J. Baudry, 1872. XI+224 p.
27. Sichler L. Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris: A. Dupret, 1886. 339 p.
28. Smirnoff O. Études et souvenirs // La Nouvelle Revue. Paris, 1885. T. 37. Novembre-Décembre. P. 5-28; P. 468-489.
29. Vogüé E. M. de. Le Roman russe. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1886. LV+355 p.
30. Vogüé E. M. de. Les livres russes en France // Revue des Deux Mondes. 1886. T. 78. Décembre, deuxième quinzaine. P. 823-841.
31. Waliszewski K. Littérature russe. Paris: Armand Colin et Cie, 1900. 447 p.
32. Wolkonsky S. Pictures of Russian History and Russian Literature. Boston: Lamson, Wolfe and Company, 1897. XII+283 p.
33. Wyzéwa T. de. Les Russes: notes // La revue indépendante. Genève: Slatkine reprints, 1970. T. II. Numéros 3, 4, 5. Janvier-Mars 1887. P. 65-90.
34. Wyzéwa T. de. Revues russes: Le caractère et l'œuvre de Nicolas Gogol // Revue des Deux Mondes. 1896. T. 134. Mars, première quinzaine. P. 217-227.

**FRENCH RECEPTION OF THE POEM BY N. V. GOGOL "DEAD SOULS"
IN THE PERIOD OF FRENCH-RUSSIAN ALLIANCE: THE END OF THE XIX CENTURY**

Zavgorodnii Aleksei Mikhailovich
Maxim Gorky Literature Institute
almzav@yandex.ru

The article examines the specifics of French perception of the poem by N. V. Gogol "Dead Souls" at the initial stage of rapprochement between France and Russia at the end of the XIX century. The author identifies the key factors stimulating or inhibiting the reception of the poem; the special attention is paid to "Le Roman Russe" by E. M. de Vogüé. The paper presents a survey of French publications of this period dedicated to the Russian literature in general and "Dead Souls" in particular.

Key words and phrases: N. V. Gogol; "Dead Souls"; French-Russian alliance; E. M. de Vogüé; literary criticism; reception.

УДК 821.511.151

В статье впервые на материале лирики А. Ивановой рассмотрен один из ключевых архетипических образов современной марийской женской поэзии «мать-земля» в аспекте репрезентации этнического мира и этноидентичности. В работе выявлено его символическое содержание, определена образно-семантическая структура, охарактеризованы способы художественной трансформации традиционных образов-символов, их функции в лирических текстах.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; этноидентичность в литературе; женская поэзия; А. Иванова; архетип; образ-символ.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Беляева Татьяна Николаевна, к. филол. н.
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru; beljaeva1978@rambler.ru

**АРХЕТИП «МАТЬ-ЗЕМЛЯ» В ЛИРИКЕ А. ИВАНОВОЙ
(К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ МАРИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

При выявлении национально-исторических корней литературных образов и истоков художественной мысли автора большой интерес представляют архетипы – повторяющиеся в словесном искусстве темы, образы, характеры, мотивы, ситуации, сюжеты, персонажи, «идущие из далекого прошлого», «отложившиеся в коллективном бессознательном жизненном опыте исторического прошлого» [2, с. 45] народа. Такие типологические явления, «образы коллективного бессознательного», «первичная ментальная матрица»